

Покончив с завтраком и накормив лошадей, Мо Наньфэн замер в томительном ожидании, не сводя глаз с Му Фэйюня. Сейчас для него во всем мире не было ничего важнее Шэнь Цинхяня. Стоило лишь представить, что человек, которого он с самого детства оберегал как величайшее сокровище и любил больше жизни, томится в руках такого тирана, как Ин Сыинь, — и сердце Наньфэна сжималось от невыносимой боли.

Он не мог вынести даже мимолетной тени печали на лице Цинхяня, а теперь его заставили смотреть, как этот монстр измывается над его драгоценным Шиди. Собственное бессилие и позор разрушили всё: и веру в себя, и достоинство, которые он копил годами, — всё рухнуло в тот роковой миг.

Му Фэйюнь заметил, как помрачнел его спутник, и сразу догадался: бедняга снова погряз в терзаниях. Он специально тянул время, ссылаясь на то, что после сытной еды нельзя скакать галопом, — он надеялся хоть немного вылечить Мо Наньфэна от привычки думать о Шэнь Цинхане каждую секунду. Но, судя по всему, затея провалилась: что торопись, что медли — Наньфэн всё равно витал в облаках.

«И что в этом парне такого особенного? — раздраженно подумал Фэйюнь. — Мужчина, а выглядит краше любой девицы».

Глаза с лукавым прищуром, белоснежная кожа, стан гибкий и изящный — каждое движение наполнено какой-то лисьей грацией. Даже голос у него мягкий, вкрадчивый, словно патока. Настоящий обольститель. Неудивительно, что Ин Сыинь на него положил глаз. Сам виноват, нечего было так цвести.

Му Фэйюню надоело смотреть на эти страдания великого мученика. Он отшвырнул ветку, которую вертел в руках, поднялся и легко вскочил в седло.

— Ладно, будет тебе кислую мину кормить. Едем. Отправимся прямо сейчас в Цзибэй — на верную гибель.

Мо Наньфэн вздрогнул, но тут же последовал за ним.

— Не на гибель, вовсе нет. Я только заберу Цинхяня и больше ничего не сделаю.

— Думаешь, он просто так с тобой пойдет? Или Ин Сыинь его за красивые глаза отпустит? Совсем рассудок потерял? — фыркнул Му Фэйюнь.

Мо Наньфэн на мгновение опешил и лишь спустя пару секунд переспросил:

— Молодой господин Му, почему вы вдруг рассердились? Неужели утренняя рыба пришлась вам не по вкусу?

Му Фэйюнь лишь презрительно хмыкнул, глядя куда-то в небо:

— Твоя рыба — самая гадкая еда, которую мне доводилось пробовать.

«Но ты же съел её всю, до последней косточки...» — растерянно подумал Наньфэн.

Он неловко почесал затылок. Долгие годы рядом с Шэнь Цинханем научили его тонко чувствовать перемены в чужом настроении, пусть даже соображал он порой медленно. Му Фэйюнь сейчас в точности напоминал Цинханя, когда тот начинал капризничать: вслух ничего не скажет, ни в чем не признается, но всем видом показывает, что недоволен.

Движимый привычкой ухаживать за взбалмошным шиди, Мо Наньфэн принялся гадать, в чем же причина. «Так, если бы на его месте был Цинхань, я бы сначала выяснил повод для обиды...»

Рыба тут явно ни при чем. Как бы ни был придирчив Фэйюнь, кулинарные таланты Наньфэна признавал даже самый капризный едок в Поднебесной — Шэнь Цинхань. Значит, дело в другом.

Может, он злится из-за поездки в Цзибэй? Но ведь Фэйюнь сам это предложил. Не мог же он просто так взбелениться. Наньфэн мучительно размышлял об этом, пока голова не начала раскалываться.

Они неспешно пробирались сквозь лесную чащу, когда Му Фэйюнь первым заподозрил неладное. Он ехал впереди и, прислушавшись к звукам бамбуковой рощи, понял: шум ветра слева и справа звучит неестественно. Он вытянул руку, останавливая спутника.

— Что случилось? — шепотом спросил Мо Наньфэн, натягивая поводья.

Фэйюнь прижал палец к губам. Наньфэн мгновенно сообразил, в чем дело, и тоже замер, вслушиваясь в тишину. Рука его привычно легла на рукоять меча, обнажив клинок наполовину.

— Совсем забыл... Пока я ехал из Долины Скрытой Луны в горах Цаншань в Линьань, за мной кто-то постоянно хвостом шел. Я-то, дурак, решил, что отец беспокоится и приставил охрану. Видно, слишком много о себе возомнил, — голос Му Фэйюня звучал холодно.

Его оружием был лук. Он вытянул стрелу из колчана и наложил её на тетиву.

— Мои стрелы никогда не пролетают мимо. Если пушу одну — без крови она не остановится. Ну что, так и будете прятаться?

Мо Наньфэн, лишенный всякой проницательности, спросил:

— И кто это за нами следит?

Фэйюнь закатил глаза:

— А ты как думаешь?

— Понятия не имею! Я столько лет странствую по миру и никого никогда не обижал.

— Никого не обижал?! — вскричал Фэйюнь. — Да ты, балда, в Цзибэй собрался — мужчину у самого Ин Сыиня отбивать! И после этого говоришь, что врагов не нашёл?

Услышав это, Мо Наньфэн разволновался еще сильнее:

— Да как это я отбиваю?! Это Ин Сыинь украл моего Цинханя! Цинхань принадлежит Мо Наньфэну... то есть, нет, Мо Наньфэн принадлежит Цинханю! Мы связаны навек, и никто не вправе нас разлучать. Это Ин Сыинь влез между нами. Если кто здесь и обижен, так это я!

— Да кто побоится тебя обидеть? Идиот, — прошипел Му Фэйюнь.

Мо Наньфэн по натуре не был забиякой. Он был добродушен, щедр и всегда старался решить дело миром. За всю жизнь он обнажал меч считанные разы — и то лишь когда кто-то осмеливался задеть Шэнь Цинханя. В такие моменты он напускал на себя грозный вид, лишь бы припугнуть обидчиков.

Шэнь Цинхань был ослепительно красив. Поклонников и поклонниц у него было столько, что хватило бы выстроить очередь от подножия гор Куньлунь до самой вершины. И на чем, спрашивается, держалась власть Наньфэна над этим красавцем все эти годы? Исключительно на его кулаках, не признающих логики.

Стоило Наньфэну заподозрить, что перед ним люди Ин Сыиня, как он тут же спрыгнул с лошади. Резким движением он выхватил меч, и ледяная энергия клинка пронеслась по лесу, сбивая верхушки бамбука.

— Раз уж пришли, выходите биться! Победите — заберете нас, проиграете — прочь с дороги! Хватит трусливо прятаться. Неужели ваш хоу Сяовэнь велел вам оберегать нас до самого Цзибэя?

Стоило речи зайти об Ин Сыине, как в голове Наньфэна словно что-то прояснилось, и он обрел вид истинного героя.

Хотя врагов не было видно, наконечник стрелы Му Фэйюня уже замер, нацеленный в пустоту. Он начал обратный отсчет. Если через три секунды никто не покажется, церемониться с

людьми Ин Сыиня он не станет. В этом мире выживает сильнейший, и Му Фэйюнь не видел причин щадить тех, кто слабее.

Ин Сыинь хоть и слыл чудаком, но в мире боевых искусств все знали: он невыносимо заносчив и крайне пристрастен. Однако в поместье хоу Цзибэй никогда не держали бесполезный мусор. Если мастер не может скрыть свою ауру — он мусор.

То ли мощь клинка Мо Наньфэна оказалась слишком внушительной, то ли жажда крови, исходившая от стрелы Му Фэйюня, была слишком явной, но тени среди бамбука дрогнули. Черные фигуры одна за другой начали спрыгивать на землю.

Всего их было около пятнадцати. Одеты в черное, лица скрыты золотыми масками. На поясах — нефритовые жетоны, на которых отчетливо виднелись два слова: «Цзибэй».

Ин Сыинь действительно не знал границ в своей дерзости.

Видя, что противники не спешат нападать первыми, Му Фэйюнь спросил:

— И что теперь? Нам обязательно проливать кровь?

Мо Наньфэн выкрикнул, опережая его:

— Конечно! Обязательно! Каждого, кто служит Ин Сыиню, я буду бить, пока дух не испустит. За те страдания, что перенес мой Цинхань, ответит каждый в вашем поместье!

— Идиот... — Му Фэйюнь снова закатил глаза.

Люди из Цзибэя были немногословны. С самого момента своего появления они не проронили ни звука. Увидев, что Мо Наньфэн полон решимости сражаться, они лишь синхронно обнажили свои мечи.

Фэйюню и самому стало любопытно, на что способен этот парень. Ему хотелось проверить, правду ли говорят о рейтинге сильнейших мастеров. Поговаривали, что среди молодого поколения первыми идут именно выходцы из гор Куньлунь — Мо Наньфэн и Шэнь Цинхань.

Их же клану, Долине Скрытой Луны в горах Цаншань, присягнувшему императорскому двору, в этих рейтингах места не находилось.

Му Фэйюнь отъехал на лошади на несколько шагов назад, освобождая место.

— Эта атака зовется: «К чёрту поместье хоу Цзибэй!»! — провозгласил Мо Наньфэн.

Лазурное сияние окутало его меч. Воздух вокруг зазвенел от холода, и Наньфэн стремительным рывком бросился к ближайшему врагу. Черный воин дрогнул, пытаясь отразить удар, но Мо Наньфэн, несмотря на недавние раны, вложил в этот выпад всю свою ярость. В тот миг ему казалось, что перед ним лицо самого Ин Сыиня.

Синяя вспышка пробила строй врагов, со свистом рассекая бамбуковые стволы за их спинами. Когда первый противник рухнул на землю, деревья позади него начали валиться одно за другим с грохотом, будто от землетрясения.

Бедолага в черном даже не успел вытащить меч до конца.

— Ого... — Му Фэйюнь не удержался от возгласа удивления. Он лениво захлопал в ладоши, не забывая о сарказме: — Надо же. Говорят, в Цзибэе нет слабаков, но я вижу перед собой только мусор.

— А эта атака зовется: «К чёрту Ин Сыиня»!

Если он не мог одолеть самого Ин Сыиня, то неужели не справится с его прихвостнями? Неужели десять лет в горах Куньлунь прошли даром? Неужели слава лучшего мастера среди молодых была пустой тратой времени?

К нему вернулась уверенность. Растоптанное достоинство, которое Ин Сыинь когда-то вмял в грязь, вновь расправило плечи. Мо Наньфэн вошел в азарт. Раньше он всегда удерживал Шэнь Цинханя от лишней жестокости, твердя, что жажда крови портит красоту. Но теперь, когда беда коснулась его самого, Наньфэн забыл о всякой пощаде.

Ин Сыинь заслуживал смерти больше всех на свете, а значит, и его слуги не заслуживали жалости.

— И последний удар: «Цинхань сокрушает Наньфэна»!

За всё время боя Му Фэйюнь не пошевелил и пальцем. Схватка была зрелищной, но он не следил за техникой или изяществом движений. Его взгляд был прикован к самому Мо Наньфэну.

Глядя на то, как этот парень, преодолевая боль от внутренних ран, яростно сражается за своего любимого, Му Фэйюнь ощутил странное смятение. Как в мире могут существовать такие глупцы? Кажется, стоит этому человеку услышать имя «Шэнь Цинхань», как он готов с улыбкой броситься в самое пекло, лишь бы сохранить надежду.

Му Фэйюнь не мог понять: что же такого в этом Цинхане из приема «Цинхань сокрушает Наньфэна», ради чего стоит так убиваться?

<http://bllate.org/book/17523/1662357>